

УДК 111.6

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.3.53

***КОЛЫЧЕВ Петр Михайлович**, доктор фило-софских наук, доцент, профессор кафедры рекла-мы и современных коммуникаций Санкт-Петер-бургского государственного университета аэро-космического приборостроения. Автор 108 науч-ных публикаций**

ХАХАЛОВА Анна Алексеевна**, преподаватель кафедры рекламы и современных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного универ-ситета аэрокосмического приборостроения. Ав-тор 18 научных публикаций

СОЦИАЛЬНЫЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА В РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В настоящей работе рассмотрены основные моменты становления деятельностного подхода в советской гуманитарной мысли периода 1960-х годов. В современном российском философском поле актуальность этой темы обусловлена проблемой субъективности в полидисциплинарном пространстве. Авторы сосредотачивают внимание на историко-социальном контексте формирования указанного подхода, усматривая в событиях того времени непосредственные причины его возникновения. Новизна данного исследования состоит в раскрытии герменевтической связи между причинами появления деятельностного подхода и кругом вопросов, связанных с личностным измерением человека. В статье дается концептуальное разъяснение различий между деятельностным подходом в отечественной традиции и энактивным подходом в зарубежной философии сознания. Фрагментарно представлено обоснование необходимости введения деятельностного подхода в культурологии, предложенное философами изучаемого периода. Производится критический анализ этого обоснования: авторы настоящей работы объясняют, что отсутствие антропологической традиции в гуманитарном знании советского академического пространства не позволило бы ввести в социально ориентированную философию проблемный круг индивидуалистической философии. Как следствие, проблематика отдельного человека вводится через отсылку к необходимости создания новой концепции культуры. Истоки возникшего интереса к проблематике личности также проясняет характеристика 1960-х годов, известных как «оттепель». В исследовании последовательно представлено дальнейшее разделение на статические и динамические модели деятельностного подхода. В качестве вывода авторы указывают на его существенный недостаток – отсутствие адекватной модели коллективного, социального агента. Указанный недостаток разрешается в эмерджентном подходе, разработанном в социальной философии, поэтому авторы постулируют необходимость дальнейшего развития деятельностного подхода в диалоге с эмерджентным.

Ключевые слова: социальная философия, философская антропология, социокультура, антропокультура, деятельностный подход, эмерджентный подход, энактивизм, экстернализм.

*Адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67; e-mail: piter55spb@gmail.com

**Адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67; e-mail: khakhalova@mail.ru

Для цитирования: Колычев П.М., Хахалова А.А. Социальный и антропологический аспекты деятельностного подхода в российской философии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 3. С. 53–60. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.3.53

В данной работе рассмотрены социально-исторические причины возникновения деятельностного подхода. В современном российском философском поле актуальность указанной темы выражается в проблеме субъективности в полидисциплинарном пространстве. В социальной философии решаются такие вопросы, как: теория деятельности; деятельность как субстанциальная основа общественной жизни людей; соотношение цели и средств деятельности; сознательное, бессознательное и подсознательное в деятельности людей; целепостановка и целереализация деятельности; необходимость, случайность в деятельности людей; общество как организационная форма совместной деятельности людей. Кроме того, деятельностный подход исследуется в теории и истории культуры, философии и истории религии, философской антропологии, философии культуры, эстетике, онтологии и теории познания.

Цель настоящей статьи состоит в раскрытии тех мотивов, что привели к появлению деятельностного подхода в российской философии. В отечественной традиции деятельностный подход связан с марксизмом – в зарубежной традиции эта связь прослеживается не так явно. Тем не менее стоит отметить, что на сегодняшний день существует концептуальная омонимия между деятельностным подходом и знаковым (деятельностным) подходом в современной философии сознания [1]. Последний является одной из составляющих общего направления в современной западной онтологии – *экстернализма*, согласно которому предмет понимается как результат совместного творчества предмета (субъекта) и его окружения (контекста) [2–4].

Однако, как это часто бывает в истории идей, такая омонимия имеет свое основание. Для обоих подходов ключевым оказывается акцент на становящемся, динамическом характере существования предмета, его ситуативном, фактическом осуществлении себя в действии.

Более того, если говорить об общем историко-философском фоне, то для современного знакового подхода большой вес имеют отечественная психология и психофизиология первой половины XX века (Л.Н. Выготский, К.П. Анохин, Н.А. Бернштейн и др.), солидарные с основными положениями деятельностного подхода. В данной статье мы будем основываться на обзорной работе В.М. Межуева¹, в творчестве которого оформляется концепция деятельностного подхода.

По мнению В.М. Межуева, необходимость деятельностного подхода в культурологии вызвана критикой суммативного представления о культуре, сущность которого заключается в сведении культуры к совокупности результатов материальной и духовной деятельности людей². Суть критики такого подхода состояла в том, что «он не давал возможности увидеть в них (результатах деятельности. – *Авт.*) то, что как раз и придает им качество предметов культуры. Культура, конечно же, возникает в процессе человеческой деятельности <...> но означает ли это <...> что в нее включается любой продукт труда, что она объемлет собой все, что встречается в истории и обществе? <...> Что в человеческой деятельности придает ее результатам значение культуры? Поставленный так вопрос, естественно, переключал внимание исследователя с результатов деятельности на процесс деятельности, на уяснение специфически человеческой природы того и другого»³.

Не разделяя суммативное представление о культуре, подчеркнем, что подобная критика обладает рядом существенных недостатков. Как видим, акцент здесь переносится с понятия культуры на понятие деятельности. В результате этой подмены центральной проблемой оказывается не культура как таковая, а человеческая деятельность в целом. Обращение к деятельностному подходу радикально ничего не меняет в понимании культуры, т. к. разграничение

¹ Речь идет о тексте, который в начале публикуется в 2012 году, а затем воспроизводится в 2013-м [5].

² Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Унив. кн.: Прогресс-Традиция, 2012. С. 280.

³ Там же. С. 281.

между культурным и некультурным переносится с результата деятельности на саму эту деятельность. Поскольку объем понятия «деятельность» вряд ли меньше объема понятия «культура», постольку понятие «культура как деятельность» не конкретизирует наше представление о культуре, а, наоборот, его расширяет.

Таким образом, критика суммативного представления о культуре не является причиной возникновения деятельностного подхода, а лишь «поводом для поиска новых подходов, которые позволили бы выделить культуру в особый объект научного исследования»⁴. Если принимать во внимание лишь необходимость разделения результатов деятельности на культурные и некультурные, то эта проблема может быть решена единственным, но совершенно конкретным способом, а именно с помощью определения культуры, поскольку разным определениям соответствуют разные предметы исследования.

Обратимся к итогам дискуссии о понимании культуры, в которых мы сможем обнаружить истоки интереса к деятельностному подходу. По мнению Н.С. Злобина, «предложенные варианты решения были классифицированы <...> на “статические” и “динамические” <...> “Статическая модель” интерпретировала культуру как функциональную подсистему целостной общественной системы, имеющей своей целью приспособление последней к окружающей среде, “динамическая модель” усматривала в ней развитие человеческой личности, осуществляемое путем создания и последующего освоения людьми результатов деятельности»⁵. Здесь обе модели сравниваются дважды: первая модель характеризуется социальностью и статичностью, вторая – личностным измерением и динамикой. Если в случае с первой моделью речь идет о том, как предметы культуры присутствуют в повседневном обиходе, будучи уже социально сформированными и определенными, то в случае со второй – о «муках творчества» отдельной личности, чья

деятельность может вступать в конфронтацию с общественными нормами и традицией, чьи результаты еще не узнаны в качестве культурных артефактов.

Мы не разделяем данное разграничение и допускаем динамический характер уже сформированных культурных предметов и знаков, поскольку их обращение также изменяется в зависимости от множества параметров, таких как эпоха, социально-экономическая ситуация, научные открытия, и даже, можно сказать, от микроизменений, таких как настроение, место в хронологической цепочке и др. Диалектика статики и динамики кажется недостаточно конкретной для целей нашего исследования, поскольку в ней отсутствуют необходимые критерии, которые могли бы удерживать рассуждение в строго определенном ключе.

Более значимым является второе разделение, указанное Н.С. Злобиным: культура как подсистема «целостной общественной системы», с одной стороны, и культура как «развитие человеческой личности» – с другой. Для нас важным здесь оказывается тот факт, что культура как предмет исследования может быть определена с позиций как социологии, так и антропологии. В первом случае речь идет о социальном аспекте культуры, который обозначим как социокультуру, а во втором – о личностном ее аспекте, который, соответственно, обозначим как антропокультуру. Оба эти аспекта составляют суть итога дискуссии, предлагаемого В.М. Межуевым: в «каждом из подходов основной упор действительно делался на одну из сторон – личностную или общественную – человеческой деятельности...»⁶

К двум аналогичным аспектам в культуре приходит и Э.С. Маркарян, подводя итог описываемой дискуссии: «В центре внимания представителей первой концепции (динамическая модель. – *Авт.*) <...> находится культура, рассматриваемая сквозь призму культурной революции

⁴Межуев В.М. Указ. соч. С. 279–280.

⁵Там же. С. 281–282.

⁶Там же. С. 283–284.

в нашей стране, процессов духовного производства, функционирования и развития личности. Сторонники второй концепции (статическая модель. – *Авт.*) <...> сделали предметом своего исследования вопросы, связанные с общей характеристикой культуры как универсального свойства общественной системы» [6, с. 33].

Как видим, в дискуссиях о культуре того времени в качестве главных звучат вопросы социального и антропологического измерения, и в обоих деятельностный подход оказывается ведущим: «Общее для них заключалось в деятельностной интерпретации культуры, хотя обоснования данной интерпретации существенно различались»⁷. Заметим, что, поскольку динамический характер культуры как предмета исследования закрепляется в советской традиции только за одной из вышеупомянутых моделей (связанной с антропологией), деятельностный подход развивается преимущественно как антропокультурология. Другими словами, концепция деятельности понимается в первую очередь как деятельность отдельного человека, индивида, личности. Соответственно, деятельностная интерпретация культуры «уходит в философскую проблематику человека и человеческой деятельности»⁸.

Здесь необходимо небольшое терминологическое пояснение в отношении термина «философская антропология». Долгое время (в период расцвета марксистско-ленинской идеологии) данным термином обозначались буржуазные философские концепции, связанные с человеком. Весьма примечательным в этом отношении является небольшой обзор, вышедший в СССР в 1967 году под названием «Современная философская антропология», где автор объясняет, что будет пониматься под термином «философская антропология»: «В настоящем очерке речь идет о современной философской антропологии, т. е. о течении современной буржуазной философии,

начало которому положил известный немецкий философ Макс Шеллер (1874–1928) и представителями которого являются также Г. Плесснер, А. Гелен, Э. Ротхакер, М. Ландман, Г.Э. Хенгстенберг, Г. Вейн и целый ряд других авторов. Под философской антропологией они понимали ... всеобщее философское учение о человеке, которое должно охватить человека в совокупности всех его проявлений, исследовать его сущность и его положение в мире, осветить коренные проблемы человеческой жизни» [7, с. 3–4].

Если говорить об историческом периоде, когда деятельностный подход себя зарекомендовал в советской философии, то обычно называют «оттепель» 1960-х годов. В это время публикуются ранние работы К. Маркса, где понятие деятельности приобретает формообразующее значение для сознания человека; потихоньку поднимается железный занавес и люди знакомятся с доселе почти неизвестным им миром Запада: музыка, живопись, кино и другие формы искусства. Эти волны странной свободы передаются не только в сфере идей, концепций, фантазмов, но и через телесность: предметы быта, отличающиеся удобством и пластичностью, стали появляться в домах, демонстрироваться на телеэкранах, внедряться в новые художественные и дизайнерские стили; стиль одежды, призывающий к раскованности в движениях и мыслях, которая появляется при прослушивании рок-н-ролла, – все это нуждается в осмыслении и по-прежнему к переосмыслению прошлого⁹.

Известно, что в советской философии до начала «оттепели» доминировал социальный подход, необходимость которого была вызвана потребностью становления новой социалистической идеологии, где главенствующую роль играла ценность общественного (социального) над личностным (антропологическим). К рассматриваемому периоду («оттепель» 1960-х) эта идеология себя исчерпала, а философы пришли

⁷Межуев В.М. Указ. соч. С. 33.

⁸Там же. С. 279.

⁹Интересны в этом отношении выставки «Оттепель» (Государственная Третьяковская галерея) и «Московская оттепель: 1953–1968» (Музей Москвы на Зубовском бульваре), недавно прошедшие в Москве.

к осознанию того, что в социальном «угаре» был забыт сам человек. Именно поэтому внутри социально ориентированной идеологии начинается формироваться антропологический подход.

Судя по всему, культурология обязана своим возникновением процессу антропологизации социально ориентированной идеологии: термин «антропология», с одной стороны, указывал бы на личность и ее исключительную роль в культуре и жизни, что было все еще непозволительно в коллективном, с другой – напрямую связывался бы с зарубежной традицией антропологии. Возникла потребность скрыть антропологию (подобно тому, как капучины скрывали кофе густой пеной взбитых сливок) под таким названием, которое могла «проглотить» социально ориентированная идеология, что и привело к возникновению культурологии. Открытие деятельностного подхода оказалось спасительным в данном контексте, поскольку, будучи созвучным главному термину социальной идеологии – «строительство», присутствующему в главном лозунге КПСС «строительство коммунизма», этот подход позволил сосредоточиться на исследовании отдельного человека, личности, чья деятельностная природа уже подразумевает социальность.

Сказанное выше объясняет появление деятельностного подхода в анализе проблем антропологии и антропокультуры. Поскольку именно антропокультура, по крайней мере в начале своего становления, выполняла маскирующую роль для исследования личностного измерения, вопрос о социокультуре¹⁰ так и не был сколь-либо значимо поставлен. Тем не менее в современной социальной философии деятельностный подход востребован. Мы считаем, что помимо зарубежной традиции энктивизма в качестве причин подобного интереса следует указать актуальную рефлексию советской философии. Деятельностный подход, в частности, стремится описать динамику социального бытия наподобие того, как в историческом материализме это делала концепция классовой борьбы, будучи главной

идеей, обосновывающей переход от капитализма к социализму. Тогда понятно, почему обратный переход, который произошел в современной России, воспринимается как отрицание истинности концепции классовой борьбы в истории социального развития. Но если отказаться от классовой борьбы в социальной философии, то следует выдвинуть иную концепцию, отвечающую за динамику социальных процессов. Мы полагаем, что именно по этой причине вспомнили о деятельностном подходе.

В современном деятельностном подходе в социальной философии категория агента не ясно прописана с точки зрения его онтологического статуса. Дело в том, что общество, сообщество, коллектив нельзя свести к сумме индивидов, в него входящих; общество как агент есть нечто иное, чем сумма своих агентов. В этом плане социальная концепция исторического материализма, оперирующего классами, более социальна, нежели современная социальная философия. Ведь понятие класса обладает самостоятельным значением в отличие от понятия совокупности людей.

Указанный недостаток разрешается в эмерджентном подходе, где общество как агент определяется через набор характеристик агентивности, которые невозможно обнаружить на уровне индивидуальной деятельности [8]. Так, социальные институты могут появиться только при условии конвенционального со-проживания достаточно большого количества отдельных индивидов, разделения обязанностей и функций между группами и подгруппами, образованными данными людьми. При этом, мы полагаем, эмерджентный подход уточняет деятельностный, проясняя структуру идентичности агента [9].

Еще один мотив, который мы считаем нужным заявить в связи со становлением деятельностного подхода, – это, собственно, обращение к понятию «культура». Как правило, и советская традиция в данном случае не исключение, культура понимается как наивысший уровень человеческой деятельности. Потому не удивительно, что в поисках антропологической науки авторы

¹⁰Необходимо различать социокультуру и социально-культурную деятельность.

обратились к самому достойному в человеческой жизнедеятельности. Можно сказать, что антропология в советской философской традиции («марксистская философская антропология» – в терминологии В.М. Межуева) началась как гуманитарная антропология. Вместе с тем стоит указать на недостаток выбора предмета исследования в антропокультуре: исследователи упускают все предстоящие (низшие) формы развития и становления человека как личности. В данном случае антропокультуру можно было бы типизировать как «естественную», или «биологическую».

Итак, в настоящей работе мы рассмотрели новый аспект возникновения деятельностного подхода. В советской философии последний зарождается в связи с обсуждением проблем личности. Использование термина «деятельность» было весьма удачным, ибо было созвучно таким идеологическим терминам, как «труд», «строительство социализма». При этом мы указали на различие между современной западной традицией энактивного подхода и отечественной историей появления деятельностного подхода.

Развернуть исследования по этой теме в полном объеме в СССР помешал доминирующий в то время социальный подход, который обеспечивал теоретическую поддержку КПСС в ее

тезисе о приоритете общественных интересов над личностными. В таких условиях деятельностный подход маскируется под культурологическую тематику – и весьма удачно, поскольку тогда саму культуру можно было понимать с позиций как социальности, так и личности.

Поскольку в экономическом плане в период перестройки был осуществлен переход от социалистического к буржуазному обществу, вслед за крушением социалистической идеологии социальная философия отказалась от концепции классовой борьбы как основной движущей силы развития общества. Вместо этого социальной философией был воспринят деятельностный подход из культурологии.

Деятельностный подход может развиваться в двух планах – личностном и социальном. В личностном плане – как деятельность человека и/или как деятельность людей (в данном случае общество является их суммативной системой); условно этот подход можно обозначить как суммативно-деятельностный. В социальном плане – как деятельность общества в целом, понимаемого в эмерджентном ключе; условно этот подход можно обозначить как эмерджентно-деятельностный. Сравнительный анализ названных подходов мы предполагаем развернуть в своих дальнейших исследованиях.

Список литературы

1. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. 321 p.
2. Хахалова А.А. Субъективность в науках о жизни: самоорганизация, интенциональность и целеполагание // Мысль: журн. Петерб. филос. о-ва. 2015. Вып. 18. С. 129–141.
3. The Extended Mind / ed. by R. Menary. London: MIT Press, 2010. 382 p.
4. Kyselo M. The Body Social: An Enactive Approach to the Self // Front. Psychol. 2014. Vol. 5, № 986.
5. Межуев В.М. Культура как деятельность // Культура. Власть. Социализм. Противоречия и вызовы культурных практик СССР: Луначарский и не только / под ред. Л.А. Булавки. М.: Ленанд, 2013. С. 10–28.
6. Маркарян Э.С. Исходные посылыки понимания культуры как специфического способа человеческой деятельности // Философские проблемы культуры. Тбилиси, 1980. С. 16–44.
7. Корнеев П.В. Современная философская антропология. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1967. 71 с.
8. Sawyer R.K. Social Emergence. Societies as Complex Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 276 p.

9. Froese T., Di Paolo E.A. The Enactive Approach: Theoretical Sketches from Cell to Society // *Pragmat. Cogn.* 2011. Vol. 19, № 1. P. 1–36.

References

1. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge, 1991. 321 p.
2. Khakhalova A.A. Sub'ektivnost' v naukakh o zhizni: samoorganizatsiya, intentsional'nost' i tselepolaganie [Subjectivity in Life Sciences: Self-Organization, Intentionality and Teleology]. *Mysl': zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*, 2015, no. 18, pp. 129–141.
3. Menary R. (ed.). *The Extended Mind*. London, 2010. 382 p.
4. Kyselo M. The Body Social: An Enactive Approach to the Self. *Front. Psychol.*, 2014, vol. 5. Art. no. 986.
5. Mezhuiev V.M. Kul'tura kak deyatel'nost' [Culture as Activity]. Bulavka L.A. (ed.). *Kul'tura. Vlast'. Sotsializm. Protivorechiya i vyzovy kul'turnykh praktik SSSR: Lunacharskiy i ne tol'ko* [Culture. Power. Socialism. Contradictions and Challenges of Cultural Practices in the Soviet Union: Lunacharsky and Others]. Moscow, 2013, pp. 10–28.
6. Markaryan E.S. Iskhodnye posylki ponimaniya kul'tury kak spetsificheskogo sposoba chelovecheskoy deyatel'nosti [Initial Premises of Understanding Culture as a Specific Method of Human Activity]. *Filosofskie problemy kul'tury* [Philosophical Problems of Culture]. Tbilisi, 1980, pp. 16–44.
7. Korneev P.V. *Sovremennaya filosofskaya antropologiya* [Modern Philosophical Anthropology]. Moscow, 1967. 71 p.
8. Sawyer R.K. *Social Emergence. Societies as Complex Systems*. Cambridge, 2005. 276 p.
9. Froese T., Di Paolo E.A. The Enactive Approach: Theoretical Sketches from Cell to Society. *Pragmat. Cogn.*, 2011, vol. 19, no. 1, pp. 1–36.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.3.53

Petr M. Kolychev

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation;
ul. Bol'shaya Morskaya 67, St. Petersburg, 190000, Russian Federation;
e-mail: piter55spb@gmail.com

Anna A. Khakhalova

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation;
ul. Bol'shaya Morskaya 67, St. Petersburg, 190000, Russian Federation;
e-mail: khakhalova@mail.ru

SOCIAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF THE ACTIVITY APPROACH IN RUSSIAN PHILOSOPHY

This article addresses the history of developing the activity approach in Soviet humanist tradition during the 1960s. This issue is of interest for contemporary Russian philosophy due to the status of subjectivity in multidisciplinary research. The authors focus on the historical and social context of the activity approach, believing that the latter was a direct consequence of the events of that time. The

For citation: Kolychev P.M., Khakhalova A.A. Social and Anthropological Aspects of the Activity Approach in Russian Philosophy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 3, pp. 53–60. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.3.53

novelty of this paper consists in the fact that it elucidates the hermeneutic connection between the reasons for the development of the activity approach and a range of questions dealing with personal dimension. From the start, the authors differentiate between the enactive approach in contemporary philosophy of mind and the activity approach in Russian (Marxist) tradition. Further, the paper outlines the view shared by some philosophers of that period who argued in favour of introducing this approach into cultural studies. The authors criticize that line of argument supposing that it is the lack of anthropological thought in socially oriented Soviet philosophy that was the real reason why the activity approach was established. Namely, it is obvious that none of the individualistic problems could be a subject of socially oriented discussion. As a result, the theme of the individual was included in more reliable scopes of cultural problematics. Another reason lies in the period itself, the Thaw, whose features are described in the paper. The authors consistently present the subsequent differentiation between static and dynamic models of the activity approach. In conclusion, the authors accentuate a crucial drawback of this approach, namely, the lack of an adequate model of collective, social agent. This drawback is overcome in the emergent approach, devised within social philosophy. Thus, the authors stress the necessity of further development of the activity approach in dialogue with the emergent approach.

Keywords: *social philosophy, philosophical anthropology, social culture, anthropological culture, activity approach, emergent approach, enactivism, externalism.*

Поступила: 17.09.2017
Received: 17 September 2017